

Влияние советского периода на издание классической литературы

ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА ГАЕВА, *Курганская областная универсальная научная библиотека*
antiq@rambler.ru

Изменение политической ситуации на территории бывшей Российской Империи в связи с Октябрьской революцией 1917 года привело к новым принципам издания художественных текстов. Если до революции наряду с государственными установками можно было продвигать и собственные идеи, то после революции осталась только первая возможность. В связи с этим произведения, изданные до революции, стали подвергаться значительной правке. В процессе работы над словарем «Гости из прошлого» (Гаева, 2014), когда современные нам издания Н. Лескова выверялись по прижизненным публикациям писателя, пришло осознание, что мы читаем довольно искаженные тексты. И продолжается это до сих пор, поскольку сегодня для публикаций классика русской литературы за основу берутся «научно выверенные» тексты, изданные в Советский период. На самом деле этим тиражируются фальшивки (за редким исключением), созданные в условиях сильнейшей советской цензуры. Далее на материале произведений Николая Лескова рассмотрим, каким образом после Октябрьской революции проводилась идеологическая правка.

В первую очередь необходимо отметить усечение текстов. Причем если сокращение целых разделов увидеть не очень сложно (Гришунин, 1998: 60–61), то заметить исчезновение из текстов отдельных слов нелегко. В частности, в современных публикациях романа Н. Лескова «Некуда» по антиклерикальным соображениям опущена лексема *Божий*. В итоге в собраниях сочинений Николая Лескова 1956–1958 годов, 1993 года и продолжающегося с 1996 года полного собрания сочинений окна смотрят уже не *на свет Божий* (Лесков, 1889, т. 4: 612), а просто *на свет*: «[...] четыре остальные [окна] с гражданскою самоуверенностью смотрели на свет только одними мелкошибчатыми дубовыми рамами с зеленоватыми стеклами» (Лесков, 1956, т. 2: 531; 1993, т. 1: 494; 1997, т. 4: 506). Только в собрании сочинений 1989 года окна снова смотрят *на свет божий* (Лесков, 1989, т. 4: 483), хотя написание прилагательного не соответствует прижизненному: тогда *Божий* печаталось с прописной буквы.

Помимо купирования в текстах Н. Лескова наблюдается подмена единиц. Особенно данная особенность коснулась слов, связанных с религиозной тематикой, поскольку одним из первых указов Советской

власти был Декрет об отделении церкви от государства от 20 января [2 февраля] 1918 года. В частности, в романе «Некуда» слово *богодействие* (Лесков, 1889, т. 4: 394) в рецепте иерусалимского бальзама, который читает доктор Розанов, заменили на *благодетствие* в издании 1956 года. И только такое начертание наблюдается теперь во всех публикациях: «[...] *помогает от всех скорбей душевных и вкупе телесных, внутреннее его употребление да Будут Ю или АЪ до 15 капачума а вина или воды вечер и заутра кто его употребит и самиам искусством чудное благодетствие разумети Будет*» (Лесков, 1956, т. 2: 343; 1989, т. 4: 311; 1993, т. 1: 323; 1997, т. 4: 328).

Идеологическими веяниями можно объяснить и замену в романе «Некуда» лексемы *агитация*, зафиксированной в прижизненном собрании сочинений (Лесков, 1889, т. 4: 424), фонетическим вариантом *ажитация* в современных публикациях: «*Розанов был у маркизы на минуточку и застал ее в страшной ажитации. Она сидела калачиком на оттоманке, крутила полосочку пахитосной соломинки и вся дергалась, как в родимце*» (Лесков, 1956, т. 2: 369; 1989, т. 4: 334; 1993, т. 1: 347; 1997, т. 4: 352). Думается, что основная причинамены коренится в том, что сегодня в сознании жителя России слово *агитация* связано исключительно с политической сферой, и составители предпочли просто подправить текст, хотя автор использовал единицу *агитация* в ее исконном значении («волнение, возбуждение, беспокойство»), которое до сих пор сохраняется во французском языке (*agitation*) (Гак, 1998: 26).

Столкнулись мы и со случаем, если можно так сказать, правки по «объективным» причинам. В рассказе «Умершее сословие» в современных изданиях встречается выражение *алавастр мирры*: «*В Трубецком была прелестна и достойна самого любовного наблюдения искренность его губернаторского величия: он его словно нес с собою повсеместно, как бы некий алавастр мирры, с постоянною заботливостью, чтобы кто-нибудь не подтолкнул его под локоть, чтобы сосуд не колыхнулся и не расплескалось бы его содержимое*» (Лесков, 1958, т. 8: 458; 1989, т. 7: 428). Однако в прижизненном собрании сочинений здесь было выражение *алавастръ мура* (Лесков, 1889, т. 7: 570) с «ижицей» после буквы «М». Единицы *миро* и *мирра* используются преимущественно в церковной сфере, в то же время они не являются родственными формами. Вероятнее всего, причина замены коренится в омонимии, появившейся из-за орфографической реформы 1918 г. Лингвисты неоднократно писали о двух омофонах *миръ* и *миръ*, превратившихся в результате реформы 1918 года в лексические омонимы (Журавлев, 1999; Еськова, 2001; Перцов, 2012: 934-935). Применительно же к форме родительного падежа единственного числа приходится говорить уже не о двух, а о трех современных омонимах *мира*, восходящих в написании к *мира* от *миръ* – «отсутствие ссоры, вражды,

несогласия, войны» (Даль, 1994, т. 2: 857), *мира* от *миръ* – «Вселенная; земной шар; род человеческий; община» (Даль, 1994, т. 2: 862) и *мура* от *муро* – «состав из разных благовонных веществ [...]». В XVII в. употребляли для этой цели в России 53–55 разных благовонных веществ, а ныне 28 [...]» (Дьяченко, 1993: 325). А потому текстологи, по-видимому, решили прояснить невольно появившееся «темное» место в лесковском рассказе, заменив одну лексему на другую; не понятно только одно: почему нельзя было дать соответствующее пояснение исходной единицы в комментарии?

Параллельно такая же скрупулезная целенаправленная работа по изменению восприятия художественного текста, изданного до революции, велась и на уровне примечаний. В частности, если слово или выражение было связано с запрещенной к публичному обсуждению в Советское время сферой, то существовало несколько способов завуалировать запретную тему.

Во-первых, несколько видоизменялось толкование. Например, у Н. Лескова в повести «Островитяне» встречается прилагательное *конфортативный* в рассуждениях о василеостровских художниках: «[...] в творчестве – служение чувственности и неуменье понять круглым счетом ровно никаких задач искусства, кроме задач сухо политических, мелких, или комфортативных, разрешаемых в угоду своей субъективности» (Лесков, 1889, т. 3: 420). В примечаниях по поводу указанной лексики с некоторыми вариациями единодушно указано: «укрепительный (от франц. – conforter)» (Лесков, 1957, т. 3: 590); «укрепительный (от франц. – conforter – укреплять)» (Лесков, 1989, т. 3: 460); «Конфортативные – тонизирующие, укрепляющие средства (от франц. conforter – укреплять)» (Лесков, 1999, т. 6: 639). Как нам кажется, причину появления подобного толкования в 1957 году кратко можно объяснить фразой *секса у нас нет*, ставшей крылатой в 1986 г. благодаря реплике одной из советских участниц телемоста Ленинград–Бостон. Если в советское время было запрещено публично упоминать и обсуждать темы, связанные с сексом, то в комментариях 1989 и 1999 годов текстологи пошли по пути наименьшего сопротивления и некритично позаимствовали информацию из ранее вышедшего источника. На самом деле, по свидетельству «Словаря русского языка, составленного Вторым отделением Императорской Академии наук», прилагательное *конфортативный* восходит к новолатинскому *confortativum* и означает «возбуждающий половую похоть» (САН, 1912, т. IV, вып. 6: 1914).

Во-вторых, в комментариях нередко давалось очень короткое и очень широкое толкование, не позволяющее уловить отличительные особенности предмета или явления. Например, к повести «Воительница» *камер-лакей* (нем. *Kammerlackei*) поясняется как «старший лакей (из нем.)» (Лесков, 1993, т. 5: 529), «старший лакей при дворе» (Лесков, 1998, т. 5: 713).

При этом современный читатель под словом *двор* понимает помещичью усадьбу, хотя начальное немецкое *камер*-однозначно указывает на царский двор: «*Старший лакей при Высочайшем дворе*» (ЦСР, 2001, т. 2: 137). И анализируемая лексема, попав в повести в перечень, свидетельствует об обширных связях главной героини:

«Приказчики, графы, князья, камер-лакеи, кухмистеры, актеры и купцы именитые, — словом, всякого звания и всякой породы были у Домны Платоновны знакомые, а что про женский пол, так о нем и говорить нечего» (Лесков, 1889, т. 5: 224).

И наконец, слова, не соответствующие облику советского человека, просто не пояснялись. Например, при описании чудес английских кунсткамер в сказе «Левша» одно из центральных мест занимает *Аболон полведерский*. Все комментаторы сходятся в том, что данное выражение является искаженным наименованием статуи Аполлона Бельведерского (Лесков, 1958, т. 7: 504; 1989, т. 2: 412, 1993, т. 5: 566), считавшейся образцом мужской красоты, однако причины «коверканья» выражения ученые не рассматривают. А ведь второе слово в словосочетании *Аболон полведерский* напрямую связано с *ведром* как мерой жидкости (ведро было равно примерно 12 литрам, следовательно, полведра — около 6 литров), которое в русской литературе нередко ассоциируется с вином или водкой:

— Да по ведру бы водочки, —
Прибавили охочие
До водки братья Губины,
Иван и Митродор (Некрасов, 1971: 413).

Даже в словарях для иллюстрации лексемы *ведро* в указанном выше значении в качестве примеров использовались словосочетания *ведро вина*, *водки*, *пива* (ЦСР, 2001, т. 1: 107; САН, 1891, т. 1, вып. 1: 359), *ведерная винная продажа* (т. е. оптовая) (Даль, 1994, т. 1: 429); пословицы и поговорки *Мужик лишь пиво заварил, а уж черт с ведром*; *Пиво добро, да мало ведро*; *Эта вина стоит полведра вина* (Даль, 1994, т. 1: 429).

Ложное комментирование может быть и неосознанным. Причем Октябрьская революция сыграла здесь не последнюю роль: новое поколение комментаторов (поздние советские и постсоветские ученые), воспитанное в новых социальных, политических, экономических условиях, в некоторых случаях не может адекватно истолковать дореволюционный текст. Основными причинами лжетолкования можно признать:

1) Незнание реалий XIX века или другого описываемого в произведении периода. Например, в тексте романа Николая Лескова «Некуда» встречается карточный термин *сыпной туз*: «*Калистратов все* 1917: RUSSIA IN REVOLUTION. HISTORY, CULTURE AND MEMORY (2018), 208-220

врал: он не спасал никакой дамы, и никакая женская ручка не дарила ему этого браслета, а взял он его сам посредством четверки и сыпного туза [...]» (Лесков, 1956, т. 2: 486). Комментатор считает, что «сыпной туз – тузовая карта с шероховатой поверхностью» (Лесков, 1997, т. 4: 739). На самом деле *сыпной туз* – карта, особым образом подготовленная шулером. Вот как В. Ф. Трахтенберг в своем словаре «Блатная музыка («жаргон» тюрьмы)» (1908) описывает, что такое *насыпная галантина*: «Карта, одно или несколько очков которой скрыты под налетом клейкого, плотно приставшего к картону белого порошка, который в случае надобности снимается простым нажатием влажного пальца на то или другое место карты и, обнаруживая находившееся под ним очко, изменяет таким образом самую карту, превращая ее, например, из четверки в пятерку, из шестерки в семерку и восьмерку и т.д. Такая *насыпная галантина* считается вообще ‘опасною’, и шулера пускают ее в ход крайне редко» (Бутлер, 1997–2017). В словарной статье «Галантина» В.Ф. Трахтенберг показывает механизм создания туза: «Для того чтобы сделать ‘галантину’ на тройке, одно крайнее очко ее ловко соскабливается и сглаживается, так что на карте остается всего лишь ‘два’ очка. Если нужно для выигрыша показать ‘туз’, шулер, вынимая ‘галантину’, показывает ее банкомету, держа карту таким образом, чтобы крайнее (не выскобленное) очко было закрыто его пальцем; партнер видит только одно среднее очко и верхнюю (чистую) половину карты и полагает, что в руках понтёра действительно ‘туз’» (Бутлер, 1997–2017). Если в данном описании выскабливание заменить насыпкой порошка на покрытый клеем один из крайних значков или на оба крайних значка тройки, то как раз получим так называемую (*на*)сыпную карту, которая в руках шулера в зависимости от ситуации превращается то в *тройку*, то в *сыпной туз*. Заметим, что сыпные тузы мало возможны в наше время, потому что если в XIX веке на игральных картах в уголках цифрами не дублировалось количество нарисованных значков, то сегодня это есть на каждой карте.

2) Незнание ресурсов справочных изданий. Большая часть комментаторов в качестве основы для примечаний использует словари В. И. Даля и «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова. Огромный пласт дореволюционных лексикографических изданий современным толкователям просто неизвестны, а потому в современных комментариях нередко ошибки. Например, текст романа «Обойденные», где встречается слово *кошлячок*, никак не помогает нам понять значение этой лексемы:

«С появлением Вырвича и Шпандорчука Журавка стихал, усаживался в уголок и только тихонько пофыркивал. Но зато, пересидев их и дождавшись, когда они уйдут, он тотчас же вскакивал и шумел беспощадно.

– Кошлячки! Кошлячки! – говорил он о них, – отличные кошлячки! – Славные такие, все как на подбор шершавенькие, все серенькие, такие, что хоть выжми их, так ничего живого не выйдет...» (Лесков, 1889, т. 3: 104).

Поэтому ничего удивительного, что у комментатора возникли проблемы при толковании: «С. 128. *Кошлячки* – возможно, кутята, беспомощные существа» (Лесков, 1998, т. 5: 704). На самом деле слово *кошлячок* можно найти в «Словаре русского языка, составленном Вторым отделением Императорской Академии наук» в словарной статье *кошлячок*: «Уменьш. и ласкат. к *кошлок*» (САН, 1914, т. IV, вып. 8: 2556). Чередование безударных А/О в слове (*кошлячок* – *кошлячок*) типично для дореволюционной орфографии. Единица *кошлок* с литерой О во втором слоге есть практически в любом дореволюционном словаре: «КОШЛО́К, а, с. м. Молодой камчатский бобр» (ЦСР, 2001, т. 2: 214); «Кошло́к [-ока] м. бобренок, молодой бобер, не перегидававший, морской или камчатский бобр, морская выдра» (Даль, 1994, т. 2: 468); «Кошлок, молодой бобер, родившийся весной того же года, в который их ловят, незадолго пред замерзанием рек; он мал ростом, кожа тонкая и только покрыта пухом» (Русский энциклопедический словарь, 1878, отдел II, т. III: 384).

Также именно САН, малодоступный и малоизвестный в России, помогает расшифровать фразу *на кабашиное разорение* в воспоминаниях «Загадочный человек»: «— Что? – крикнул пьяный парень, обводя старика посоловешими глазами. – А! собираешь на церковное построение, на кабашиное разорение, – это праведно!» (Лесков, 1889, т. 8: 37). В комментариях наблюдается подмена понятий – поясняется не фраза, а вырванное из нее слово, хотя хорошо известно, что общее значение фразеологизма обычно не складывается из значений лексем, входящих в состав выражения: «С. 34. ...на кабашиное разорение... – Кабацкое» (Лесков, 1996, т. 8: 601). Во-первых, в примечаниях не должны поясняться варианты широко известных слов. Во-вторых, с лингвистической точки зрения в комментариях имеется фактическая ошибка: кабашиный восходит к форме кабацный, а не кабацкий, потому что только сочетание ЧН в живой речи изменяется в ШН. В художественных текстах того времени фиксация слова не по правилам правописания, а по правилам простонародного произношения – нормальное явление. В-третьих, на самом деле здесь надо было указать значение фразы *на кабашиное разорение* – «на выпивку» (САН, 1906–1907, т. IV, вып. 1: 21). Фраза эта шуточная и является (наряду с неточным выражением *на церковное построение*) отрывком из свадебных приговорков: *Надо (денег) на мыльце, на кривое веретено, на байное строенье, на кабацкое разоренье, на церковное поновленье...* (Свадебн. приговор) Псков. Статист. Сборн. 1871, с. 128 (САН, 1906–1907, т. IV, вып.

1: 19).

3) Лингвистическая некомпетентность. С неучитыванием учеными особенностей дореволюционной орфографии мы столкнулись уже во время анализа лексемы *кошлячок* и фразеологизма *на кабашиное разонение*. Приведем еще один пример, где лингвистическая некомпетентность стала основополагающей для ложного комментария. В рассказе Н. Лескова «Несмертельный Голован» есть описание лечения дочери купца: *«Испытаны были над нею все известные средства народной поэзии и творчества: ее поили бодрящим девясилом, обсыпали пиониею, которая унимает надхождение стени, давали нюхать майран, что в голове мозг поправляет [...]»* (Лесков, 1889, т. 2: 158). Выражение *надхождение стени* поясняется как «наступление боли (стенаний)» (Лесков, 1957, т. 6: 661), «наступление боли, от которой кричат (“стенают”)» (от славянск. “стенъ” – стена тьмы, клетная тьма) (Лесков, 1989, т. 2: 410). Такое объяснение некорректно с этимологической точки зрения, поскольку чередование Е/О (*стенание – стон*) указывает на наличие исконного Е в первом слоге, а *стенъ* в прижизненном тексте Николая Лескова написано через ѣ (ять). Лексема *стѣнь* с таким написанием многозначна, но нам кажется, что в данном случае можно говорить о значении «призрак, тень, видение» (Срезневский, 1958, т. 3: 589), то есть *надхождение стени* – это приход во сне видений, в результате которых «бывает человеку во сне тяжело, а проговорити и двизнутися не может» (Русские простонародные травники и лечебники, 1879: 94), как написано в «Прохладном вертограде» – источнике рассказа Н. Лескова «Несмертельный Голован».

4) Отсутствие широты охвата произведений одного писателя. Эта проблема возникает из-за порочной практики распределять тексты для комментирования между учеными. В итоге левая рука не знает, что делает правая. Рассмотрим такой случай на примере. Один из героев «Загадочного человека» одет в *холодайчик*: *«[...] седой старичок в сереньком шерстяном холодайчике, с книжечкою в чехле, с позументным крестом»* (Лесков, 1889, т. 8: 36). В издающемся полном собрании сочинений Н. Лескова комментатор поясняет слово *холодайчик* как «телогрейка» (Лесков, 2004, т. 8: 601), позаимствовав, видимо, данное толкование из первого советского собрания сочинений (Лесков, 1957, т. 3: 608), которое позднее повторилось и в собрании сочинений 1989 года (Лесков, 1989, т. 8: 455). Однако выбор лексемы *телогрейка* в качестве поясняющего слова очень неудачен, поскольку, во-первых, у нас, современных российских читателей, телогрейки ассоциируются либо с годами Великой Отечественной войны, либо с заключенными. Во-вторых, в толковом словаре В. И. Даля указано, что *телогрейка* – это «женская теплая кофта» (Даль, 1994, т. 4: 888), а в повести в *холодайчик* одет старичок. В-третьих, в холодайчике должно быть

холодно, а телогрейка должна греть, сохранять тепло, т.е. в паре *холодайчик* – *телогрейка* наблюдается семантическое противоречие. Следовательно, использовать лексему *телогрейка* в комментариях нельзя. В словаре В. И. Даля форма *холодай* (от которой и образовано уменьшительное *холодайчик*) имеет значение, которое не подходит к лесковскому контексту: «холодник женский, шугай» (Даль, 1994, т. 4: 1213). Правда, среди значений слова *шугай* можно найти и такие: «*Вор. ряз. твр.* род короткого мужского армяка. || *Шугай*, серый кафтан. *ряз. Оп.*» (Даль, 1994, т. 4: 1481). Зато в словаре В. И. Даля зафиксированы однокоренные к *холодай* наименования одежды для мужчин: «*Холодник кстр.* нанковый кафтан» (Даль, 1994, т. 4: 1213), «*Холодник [-икá, м.] сиб. [..] || Ниж.* летний крестьянский кафтан, холщовый, нанковый; летник, балахон, холщевик, полотняник» (Даль, 1994, т. 4: 1214). Подходит, но не вполне: старичок-то одет в шерстяной *холодайчик*, а в словаре В. И. Даля среди тканей шерстяная не упоминается. На самом деле определить значение слова *холодайчик* может помочь сам Николай Лесков. В рассказе «В тарантасе» есть следующие строки: «[.] *вижу идет человек в черном холодае, и на голове надета черная высокая шапочка*» (Лесков, 1862: 474), в примечании к которым сам автор поясняет значение единицы *холодай*: «В роде халата из нанки или легкой шерстяной материи домашнего крестьянского тканья» (Лесков, 1862: 474). Кстати, после революции этот рассказ был опубликован в первом томе издающегося полного собрания сочинений и авторское примечание можно найти на стр. 140 (Лесков, 1996, т. 1: 140). Думается, что *холодайчик* в «Загадочном человеке» (1870) использовано Н. Лесковым в значении, указанном им в рассказе «В тарантасе» для слова *холодай*, поскольку в обоих случаях упоминается, что ткань шерстяная.

Другую лексему – *поликипер* – мы знаем благодаря тексту «Левша»: именно с *поликипером* спорил левша на корабле, возвращаясь на родину. Во всех комментариях пишут, что *поликипер* – это искажение лексемы *подкипер*, что значит «помощник шкипера» (Лесков, 1958, т. 7: 507; 1989, т. 2: 413; 1993, т. 5: 568). И не очень понятно, зачем Н. Лесков так бессмысленно коверкает слово. Однако оказалось, что в языке XIX века существовало не только слово *подкипер* в значении «помощник шкипера», но и *поликипер*:

«–Ну чего же? Что там у тебя есть? – спросил он, обращаясь к целовальнику. Тот обернулся полуоборотом к полкам и, глядя на них, заговорил:

– Тминная, полынная, сладкая, французская, ликер, бальзам.

– Давай бальзану!

– Сколько?

– Давай на всех.

– Давай поликипера! – потребовал Гвоздиков.

Целовальник снял полиштоф, тряхнул его, взглянул на свет и, поставив на

стойку, крикнул [...]» (Лесков, 1862: 473).

Слово *поликипер* в приведенном отрывке явно употреблено в жаргонном (кабацком) значении «полштоф», т. е. бутылка с алкоголем объемом примерно 0,6 литра. И это значение позволяет по-новому посмотреть на хрестоматийный текст сказа «Левша»: *поликипер* – это не только помощник шкипера, но и символ пьянства в виде бутылки в полштофа. Если взглянуть на текст с этой точки зрения, то окажется, что Левша на корабле спорил не просто с помощником шкипера, а с некой нечистой силой, воплощающей в себе один из пороков человечества – пьянство. И тот факт, что в «аглицком» пари никто не победил, говорит о многом.

5) Нежелание использовать достижения предшественников. Ярче всего это проявилось в собрании сочинений 1993 года под редакцией Л. Аннинского. Здесь в примечаниях можно найти суперкраткие комментарии типа «*Девясил, пиония, майран* – лечебные травы» (Лесков, 1993, т. 6: 530), хотя это понятно и из контекста: «*Испытаны были над нею все известные средства народной поэзии и творчества: ее поили бодрящим девясилом, обсыпали пиониею, которая унимает надхождение стени, давали нюхать майран, что в голове мозг поправляет [...]*» (Лесков, 1889, т. 2: 158). Подобные «пояснения» тем паче удивительны, что в собрании сочинений 1956–1958 гг. эти лексемы объяснены более подробно: «Стр. 378. *Девясил* – растение, используемое в народной медицине для лечения грудных болезней. *Пиония* – трава марьян корень. [...] *Майран (майоран)* – дикий, так называемый конский чеснок» (Лесков, 1957, т. 6: 661).

6) Некритичное отношение к работе предшественников. Сложнее всего первому комментатору, поскольку он работу начинает «с нуля». Последователям уже легче: они в основу своих примечаний обычно кладут ранее опубликованные. В итоге такой работы ошибочные комментарии, если они есть, множатся, поскольку нарушается принцип «доверяй, но проверяй». Рассмотрим это на примере лексемы *ерфикс*, которую под влиянием эпизода о трехдневном пьянстве в пятнадцатой главе сказа «Левша» все без исключения комментаторы поясняют как «отрезвляющее средство» (Лесков, 1958, т. 7: 507, 1989, т. 2: 413; 1993, т. 5: 568). На самом деле слово *ерфикс*, более известное под написанием *эрфикс* или *air fixe* (франц.), – это углекислый газ (Михельсон, 1994, т. 2: 560; Бабкин, 1994, т. 1: 45), то есть англичане с левой в пятнадцатой главе пьют из «симфона» простую газированную воду. Но вот газированная вода (или, как написано в «Левше», *вода с ерфиксом*) в XIX веке действительно считалась отрезвляющим средством: «*Целовальник почти насилу влил в Прохора Васильевича мерку эр-фиксу, который вместо того, чтобы поднять его*

на ноги, ударил в голову». Вельтман. Саломея (Цит. по: Епишкин, 2000–2017). Самое интересное, что ошибочные сведения об отрезвляющем средстве под названием *эрфикс*, кочуя по изданиям произведений Лескова (хотя фамилии комментаторов меняются), добрались уже до романа «На ножах» в издающемся при поддержке РГНФ «Полном собрании сочинений в тридцати томах» Николая Лескова: «С. 117. ...задаст тебе такого эрфиксу... – Зд.: отрезвит. Эрфикс – отрезвляющее средство, растворяемое в воде (франц. *aig fixe*)» (Лесков, 2004, т. 9: 834).

7) Тенденциозное навязывание собственного мнения при комментировании, что вообще-то категорически запрещено. Однако нарушение данного требования можно встретить, например, в примечаниях к роману Н. Лескова «Некуда» в издающемся полном собрании сочинений. Применительно к цитате «*Швейцар улыбнулся, как улыбаются старые люди именитых бар, говоря о своих новых хозяевах из карманной аристократии*» (Лесков, 1889, т. 4: 787) толкуется не прилагательное *карманный*, а целое выражение – *карманная аристократия*: «Сарказм Лескова по адресу дельцов из темных личностей, приобретших «аристократические» титулы, как “барон Альтерзон”, за деньги» (Лесков, 1997, т. 4: 745). Вместо объективного примечания в данном случае мы наблюдаем навязывание комментатором субъективного видения: для него *карманная аристократия* – это все поголовно «дельцы из темных личностей». Во-первых, на каком основании всех «дельцов» причислили к нечистым на руку? Во-вторых, *карманной аристократией* своих хозяев считает недавно принятый на работу швейцар, который, конечно же, не может знать о темном прошлом барона. В данном случае прилагательное *карманный* использовано в значении «денежный» (САН, 1908, т. IV, вып. 2: 501) и появилось здесь только потому, что швейцар сравнивает новый тип аристократов, разбогатевших, но не имеющих еще изысканных манер (недаром слуга, которому швейцар передал визитную карточку доктора Розанова, смахивает на концертиста), с аристократами по рождению. Кстати, определение *карманный* в значении «денежный» неоднократно встречается в произведениях Н. Лескова: «Домна Платоновна знала ужасно много таких полковниц в Петербурге и почти для всех их обдывала самые разнообразные делишки: сердечные, карманные и совокупно карманно-сердечные и сердечно-карманные». Воительница (Лесков, 1998, т. 5: 325); «20-го июня. [...] не ходил я к староверам не по нерадению, ибо то даже было в карманный себе ущерб; но я сделал сие для того, дабы раскольники чувствовали, что чести моего с причтом посещения лишаются». Соборяне (Лесков, 1889, т. 1: 36).

8) Шаблонность мышления. Мы навесили на Николая Лескова ярлык автора, «склонного» к окказиональности, поэтому любую лексическую единицу, выходящую за рамки наших представлений о том, что имеется

в русской лексике, а что не имеется, в лесковском тексте воспринимают как окказионализм: «С. 178. *Капоральная* – лесковская переогласовка слова “капральская”» (Лесков, 1993, т. 6: 528). На самом деле прилагательное *капоральный* восходит к французскому существительному *saroral*, что значит «казенный табак». Вполне вероятно, что это прилагательное стало популярным в России первой половины XIX века благодаря шуточному солдатскому прозвищу Наполеона I-го – *Le petit Saroral*, т.е. «маленький капрал» (Гак, 1998: 162). И французские корни у этого слова более вероятны, поскольку не надо забывать, что история с Шерамуром напрямую связана с Францией. Так что у Н. Лескова Шерамур курит сигаретку с табаком обычного качества, или с ординарным табаком:

«Наконец все это было кончено, он выпил третий кубок, сказал свое «буде», закурил капоральную сигаретку и, опустив руку под стол, стал держать меня за руку» (Лесков, 1957, т. 6: 282).

В примечаниях к роману «На ножках» комментаторы также делают предположение о наличии в тексте якобы окказионализма: «С. 166. *Полицант* – возможно, лесковский неологизм, образованный от слов «политика» и «полиция». Ср. в «Старинных психопатах» (VII, 457)» (Лесков, 2004, т. 9: 843). На самом деле в романе «На ножках» и в рассказе «Старинные психопаты» мы имеем дело с обычным заимствованием из польского (*policjant*) или украинского (*полиціант*) языка, где данные формы имеют значение «полицейский». Кстати, версии о «лесковизме» противоречит и употребление слова *полицант* в произведениях других писателей, например, Б. М. Маркевича:

– Сотский! – быстро отходя от него, кликнул хозяин.

Деревенский полицант показался в дверях (Маркевич, 1885, т. 7: 180).

В заключение заметим, что современный читатель (поскольку, напомним, современные издания преимущественно базируются на публикациях, впервые появившихся в Советское время), «благодаря» такой целенаправленной подправке текста и не вполне корректному комментированию, видит в классических произведениях совсем не то, что видел современник автора.

REFERENCES

- Бабкин, А. М., Шендеев, В. В. (1994). *Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода* (в 3 т.). 2-е изд., испр. Санкт-Петербург: КВОТАМ.
- Бутлер, Ш. (1997-2017). *Фартовый словник: блатной жаргон: словари* 1917: RUSSIA IN REVOLUTION. HISTORY, CULTURE AND MEMORY (2018), 208-220

- воровского языка с 1859 по 1927 г. Получено с <http://www.russki-mat.net/argot/Blat.php>.
- Гаева, Е. В. (2014). *Гости из прошлого* (в 3 т.). Москва: Инфра-М.
- Гак, Б. Г., Ганшина, К. А. (1998). *Новый французско-русский словарь*. Москва: Русский язык.
- Гришунин, А. Л. (1998). *Исследовательские аспекты текстологии*. Москва: Наследие.
- Даль, В. И. (1994). *Толковый словарь живого великорусского языка* (в 4 т.) (Репринт. изд. 1903–1909 гг.). Москва: Издательская группа «Прогресс», «Универс».
- Дьяченко, Г. (1993). *Полный церковно-славянский словарь (со внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений), содержащий в себе объяснения малопонятных слов и оборотов, встречающихся в церковнославянских и древнерусских рукописях и книгах [...])* (Репринт. изд. 1900 г.). Москва: Издательский отдел Московского патриархата.
- Епишкин, Н. И. (2000–2017). *Исторический словарь галлицизмов русского языка*. Получено с <https://gallicismes.academic.ru/>.
- Еськова, Н. А. (2001). Еще раз о *мире* и *миръ* и о «Войне и мире». *Русская речь*, 2, 120–122.
- Журавлев, А. Ф. (1999). Мир: *миръ* и *миръ*. *Русская речь*, 1, 46–48.
- Лесков, Н. С. (1862, 4 мая). В тарантасе. *Северная пчела*, 473–474. Подписано: Н. Стебницкий.
- Лесков, Н. С. (1889–1890). *Собрание сочинений* (в 10 т.). Санкт-Петербург: Типография А. С. Суворина.
- Лесков, Н. С. (1956–1958). *Собрание сочинений* (в 11 т.). Москва: Гос. изд-во художественной литературы.
- Лесков, Н. С. (1989). *Собрание сочинений* (в 12 т.). Москва: Правда.
- Лесков, Н. С. (1993). *Собрание сочинений* (в 6 т.). Москва: АО «Экран».
- Лесков, Н. С. (1996–2016). *Полное собрание сочинений* (в 30 т.). Т. 1–13. Москва: ТЕРРА – ТЕРРА-Книжный клуб – Книжный Клуб Книголек.
- Маркевич, Б. М. (1885). Перелом: Правдивая история. *Полное собрание сочинений* (в 11 т. Т. 6–7). Санкт-Петербург: Типография (бывшая) А. М. Котомина.
- Михельсон, М. И. (1994). *Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии* (в 2 т.): Сборник образных слов и иносказаний (репринт. изд.). Москва: ТЕРРА.
- Некрасов, Н. А. (1971). Кому на Руси жить хорошо. *Стихотворения. Поэмы* (сс. 407–634). Москва: Художественная литература.
- Перцов, Н., Пильщиков, И. (2012). Проблемы текстологии русской литературы в лингвистическом освещении. *Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и*

- источниковедения* (кн. 2) (сс. 919-950). Москва: ИМЛИ РАН.
- Русские простонародные травники и лечебники* (1879; на обложке 1880): Собрание медицинских рукописей XVI и XVII столетия. В. М. Флоринский (сост.). Казань: Типография Императорского университета.
- Русский энциклопедический словарь* (1873–1879) (в 15 т.). И. Н. Березин (ред.). Санкт-Петербург: Типография И. Мордуховского – Типография товарищества «Общественная польза».
- САН (1891–1929): *Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук*. Санкт-Петербург–Петроград–Ленинград, Российская Империя – СССР: Типография Императорской Академии Наук – Издательство Академии Наук СССР.
- Срезневский, И. И. (1958). *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам* (в 3 т.). (Репринт. изд. 1893–1903 гг.). Москва: Гос. изд-во ин. и нац. словарей.
- Толковый словарь русского языка* (1935-1940) (в 4 т.). Д. Н. Ушаков (Ред.). Москва: ОГИЗ.
- ЦСР (2001): *Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии Наук* (в 4 т.). (Репринт. изд. 1847 г.). Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета.